

Память

Эта легенда родилась в казахских степях, впервые была опубликована в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день...» и стала популярной во всём мире. Она гласит о том, что много-много лет тому назад в степях жило племя, которое с пленными обращалось особо жестоким образом. Жертве на голову надевали кусок свежей верблюжьей шкуры (в виде обруча) и выпускали в степь. На солнце шкура высыхала, обруч сдавливал голову, несчастный испытывал ужасные муки и с криками катался по степи. От этой пытки у него нарушалась память, он навсегда забывал своё имя, историю своего рода, своих родителей. Как только он терял память о прошлом, он становился рабом, беспрекословно

выполняющим волю хозяина. Такого раба называли «манкурт». Мать одного из таких манкуртов разыскала его, стала обманом уводить его в степь и рассказывать ему о его детстве, о его предках. Она стала приходить к нему каждый день, петь ему колыбельные песни, которые пела в детстве. «Вспомни, как твоё имя?» – всё время повторяла она. И вроде бы стал оттаивать душой молодой манкурт. Но, как покорный раб, он доложил об этих визитах хозяину. Хозяин приказал манкурту убить родную мать, что тот и сделал, не задумываясь. Душа матери превратилась в птицу, которая с тех пор летает по степи и выкрикивает: «Вспомни, чей ты? Как твоё имя? Чей ты? Имя?»

О погибшем лётчике Володе, у которого нет фамилии

Глубокий смысл этой легенды состоит в том, что люди, забывшие прошлое, становятся рабами, которыми легко можно манипулировать. Мы живём в такое время, когда нам искажённо преподносят прошлое нашей страны, нашего народа. И если мы не будем беречь память о том, что происходило с нами на самом деле, мы неизбежно станем марионетками в чужих руках. А как сохранить эту память? – Данный пример мне особенно хотелось бы обратиться к молодёжи. История, о которой мы сейчас поведаем, происходит на территории Всеволожского района.

Летом в редакцию газеты «Всеволожские вести» пришло письмо из посёлка имени Свердлова. Сообщалось в нём следующее: «В двух километрах от посёлка имени Свердлова-2, в лесу, на пересечении двух дорог, есть могила лётчика. От могилы в 500-ых метрах у болота остались кое-какие детали самолёта, но их мало, и они ржавые... Все эти годы за могилой ухаживает... Орлова Антонина из посёлка имени Свердлова. Красит оградку, сажает цветы, носит цветы всё лето. Но теперь она не может туда ходить – болеет. В последнее время ходил её муж, но он тоже уже в пожилом возрасте да ещё инвалид... Хотя бы раз мог кто-то еще покрасить оградку, прибить пластиночку с именем и фамилией, возложить цветы, а можно и веночек. Может, военкомат или музей? Когда один раз было направлено письмо в музей, работники музея ответили, что они ничего не знают о могиле и чтобы кто-нибудь за ней ухаживал... Прошу, не забудьте о солдате, ведь он много лет лежит в одиночестве. Просто жалко и обидно за то, что о нём никто не знает. Душа просто плачет... А женщины, Орловой Антонине, хочется выразить огромное спасибо за её старание, за её заботу о солдате войны».

Антонину Николаевну Орлову (в замужестве – Бонину) в посёлке имени Свердлова мы нашли легко. Она – местный старожила. Рассказывала она взволнованно, словно заново переживала события:

«До войны такого большого посёлка здесь не было. Жило нас всего человек 150. Ни дорог не было, ни автобусов. Я с 1932 года рождения, и мне до сих пор снится то, что я видела во время войны: как беженцев бомбили на наших глазах, как баржи тонули. 14 сентября 1941 года, видимо, наш флот разбили. И наши

14 разбитых кораблей плыли по Неве обратно в Ленинград по течению. Раненые кричали на кораблях: «Добейте! Пристрелите меня!», и мы, дети, слышали это на берегу. Я слышу эти крики во сне до сих пор... А 5 ноября 1941 года немцы засыпали весь посёлок листовками: «Ленинградские матрёшки, пеките лепёшки. Седьмого ноября придём к вам чай пить». Ну и дали нам чай! Шестого ноября так начали бомбить, что головы не поднять было. Нас четверо у матери было. Старшая сестра работала на силикатном заводе. Ей было 15 лет, и 7 ноября мать её одну не пустила на завод. Я с ней пошла.

автомата строчить по дедушке. Нас с сестрой не тронули – вот уж ничего не скажу. Мы с сестрой не сразу поняли – ротишки разинули, а из дедушки струйки крови потекли. И из нашего ведра вода потекла – они дырочки в ведре настреляли. А мы – дети есть дети – нам жалко, что вода вытекает. Плачем – потом только сообразили, что дело нешуточное. Под амбар спрятались, затем прибежали в штаб к солдатам: «Дедушку, дедушку убили». Так этот дедушка там, на горе, и похоронен».

Согласно рассказу Антонины Николаевны, лётчик, который похоронен в лесу в одиночной могиле, погиб

попасть уже после того, когда из этих мест ушли войска. Там осталось две могилы. На одной было написано – Владимир Иванович, 1924 года рождения (фамилию Антонина Николаевна не запомнила), на второй – Леонид Леонтьев. После войны к родителям Антонины стала захаживать мать лётчика Владимира Ивановича. Она проживала в Ленинграде и со старшей дочерью приезжала на лесную могилку. Просила: «Если будет время, сходите на могилку моего сына, ухаживайте за ней». Потом она перестала приезжать, наверное, умерла. Через несколько лет перестала приезжать и его старшая сестра. Родители Антонины Орловой, пока были живы, выполняли наказ той матери, могилка была ухоженной. Антонина Николаевна в это время вышла замуж и проживала в Ленинграде.

В 50-е годы повсеместно проходил процесс укрупнения военных могил. Рассказывает и Антонина Николаевна, что где-то в 1954 – 1956 году им объявили, что их лётчиков будут перезахоранивать. Но ещё жива была мать Володи, и она слёзно упрасивала не трогать могилу сына. В результате получилось так, что Леонида Леонтьева перезахоронили на старое гражданское кладбище на Северной Самарке, а Владимира, согласно воле матери, оставили одного на лесной полянке. Антонина Николаевна рассказывала, что было дело – местные детишки навредили памятнику, он был сброшен на землю. Тогда она обратилась в местный Совет ветеранов. В то время в посёлке имени Свердлова жил Герой Советского Союза Николай Яковлевич Петров. Он живо откликнулся на просьбу о восстановлении памятника, даже попытался узнать в военкомате, в какой части служил Владимир и какая у него фамилия. Пыталась узнать и Антонина: съездила специально для этого на бывший военный аэродром в Приютино. Но никаких сведений разыскать не удалось. Так и остался лётчик Владимир без фамилии. Несколько лет ветераны из посёлка имени Свердлова лётчику Володе венки носили, оградку красили. В 1980 году умерла мама Антонины Николаевны, и она – со вторым мужем Юрием Кирилловичем Краснощёком – переехала в родной посёлок. Начиная с 1980 года, за могилкой ухаживает только она с супругом. Протопаёт своими больными ногами от дома два километра по лесной дороге и – то траву прополет, то цве-

Обратно идём, а рядом с церковью мост был кирпичный и горбатый. Мы с ней стали подходить к мосту, а с другой стороны моста шёл дядя Ваня Колгин. И вдруг шрапнель как дала! – У этого дяди Вани кишки – кверху, руки, ноги – в разные стороны, кровь фонтаном. А сестра как отлетела! На углу была липа, осколком снаряда липу мгновенно, как косой, скосило, а сестру ударило об липу, и она до сих пор ходить хорошо не может, ногу ей, что ли, сломало. А меня метров на 50 закрутило в сторону и – ничего. Только синяки были... Нас тогда три дня подряд немцы бомбили – ни попить, ни на Неву за водой не сходить. У нас был сосед – дедушка Трошев. Мы, дети, пошли за водой с этим дедушкой. А матери не дали пойти, если мать убьют – куда мы потом? Пришли к старой переправе, воды зачерпнули. На той стороне (от нас всего 600 метров) три немца стояли. Нас увидели, хохочут, и ну – с

тоже у неё на глазах. Это было 5 августа 1942 года. Примерно в 14 часов полетели шесть немецких бомбардировщиков – бомбить Ленинград. (Дети войны по звуку приловчились узнавать – бомбардировщики летят или истребители, и даже марку снаряда могли определить по звуку). Внезапно со стороны Всеволожска вылетели два наших «ястребчика». Завязался бой. Один за другим были сбиты два немецких самолёта. Один упал в Неву, другой – в Чёрную речку. Затем загорелся один из наших самолётов. Взрослые и дети наблюдали бой с земли, и когда загорелся наш – заплакали.

Первый «ястребок» рухнул в лес недалеко от современного посёлка имени Свердлова, и второй – вскоре вслед за ним рухнул рядом. Оставшиеся 4 немецких бомбардировщика повернули назад, так и не сбросив на Ленинград ни одной бомбы.

В лес дети впервые смогли

точки посадит. И так – добросовестно делала это без малого 25 лет. Не за своим родственником ухаживала – за не известным ей лейтенантом. Сама возле могилки пенёчки установила, чтобы кто проходил мимо – посидеть бы рядом с лётчиком смог. Только с каждым годом здоровье у неё всё хуже и хуже. Не спит Антонина Николаевна по ночам. Воспоминания о войне ей спать не дают:

«Ещё один случай: помирать буду – не забуду. Между Чёрной речкой и Трудёвкой было захоронение моряков – 16 могил. И вот, когда их стали перезахоранивать на Северную Самарку, могилы вскрыли. В каждом гробике по несколько человек было. Единственный гроб был большой, а в нём лежал молодой парень, форма офицерская, ботинки лакированные новенькие, волосы чёрные, выщипанные, как будто вчера его положили. А у него на груди, на левой руке, лежала девочка – маленькая, годика полтора-два. На девочке платьице в горошек: белый и розовый горошек. Волосы беленькие, кудрявенькие. Чей это был ребёнок – никто так и не смог узнать. Толпа собралась примерно в тысячу человек, все рыдали, глядя на этого парня».

Вот и болит у Антонины Николаевны сейчас душа – кто теперь за Володей, спасшим Ленинград от бомбёжки, когда ему было 18 лет, смотреть будет? Однажды на памятнике разбили стекло на табличке, рассказала она местному учителю физкультуры. Он стекло на могилке поменял. Два года назад местный депутат М.Н. Анисимова по просьбе Антонины Орловой часть оградки покрасила. И так каждый раз – надо просить, вымаливать. Нет никого, кто был бы за этой могилой официально закреплён.

Сведения об этом захоронении в лесу нами были переданы в Ленинградский областной фонд поисковых отрядов И.Г. Прокофьеву и в Межрегиональную общественную организацию «Увековечение памяти воинов, погибших при защите Родины». В настоящий момент они пытаются разыскать точные данные об этих самолётах и погибших лётчиках. Первые поиски не дали результатов. Вот и получается, что мы пишем: «Никто не забыт, ничто не забыто», а о подвиге героя помнят только Антонина Николаевна да её муж. Они войну видели своими глазами, и у них никакими силами не отнять эту память. Память о том, из какого мы вышли народа, как наш народ отстаивал любимую страну, как он берёт своё честное имя.

Людмила ОДНОБОКОВА
Фото автора

На фото: Антонина Николаевна и Никита Кириллович – те, кто хранит народную память.

Надпись на одинокой могиле в лесу.